

—♦ Места, которых нет ♦—

ЦЕРКОВЬ ФЛОРА И ЛАВРА В МЯСНИКАХ

Покровители лошадей, которых потеряла Мясницкая

—♦ Сергей Диковинный ♦—

Сергей Диковинный

**Церковь Флора и
Лавра в Мясниках**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Церковь Флора и Лавра в Мясниках / С. В. Диковинный —
«Автор», 2026

На одной из самых красивых улиц Москвы — Мясницкой — когда-то стоял небольшой храм во имя святых мучеников Флора и Лавра. Для кого-то это просто имена из святцев. А для старой Москвы — защитники лошадей и домашнего скота. Сюда, к Мясницким воротам, 9 августа по старому стилю вели украшенных цветами и лентами коней. Кучера, конюхи, извозчики — все, у кого был конь, — шли за молебном и святой водой. Верили: после этого с лошастью никакого лиха не случится. Улица менялась. Мясницкая слобода, где жили царские мясники, стала аристократической, потом купеческой, потом деловой. Деревянный храм уступил место каменному — пятиглавому с шатровой колокольней. Здесь молился прихожанин и благотворитель Флор Ермаков — купец, чей ситец в народе называли «ермак». Здесь пел церковный хор, которым руководил будущий Патриарх Пимен. Здесь молились, венчались, крестили детей и провожали близких. Потом пришли другие времена. В 1925 году храм называли «диссонансом» на улице строителей социализма...

Содержание

Глава 1. Мясники, кони и Фроловский храм	5
Глава 2. Флор или Фрол?	7
Глава 3. Каменный храм, чума и греческие философы	9
Глава 4. Аристократка, купцы и ФлорЕрмаков	11
Глава 5. 1925 год — предвестник потери	13
Глава 6. Бетонный завод и вентиляционный коллектор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Церковь Флора и Лавра в Мясниках

Глава 1. Мясники, кони и Фроловский храм

Есть в Москве улицы, которые помнят слишком многое. Они хранят в себе целые эпохи — в фасадах доходных домов, в линиях переулков, в самых именах, которые давно уже ничего не значат для прохожего, но всё ещё звучат как заклинание. Мясницкая — из таких улиц. Одна из красивейших в городе, она сумела удержать свою историческую застройку, не расплескала по ветру каменную летопись трёх столетий. Но три храма с неё исчезли. Стерлись, словно их и не было, — остались только имена в переулках да смутная память в старых фотографиях. Об одном из этих храмов — церкви святых мучеников Флора и Лавра — и пойдёт наш рассказ.

Чтобы понять, откуда он взялся и почему стоял именно здесь, нужно вернуться в XVI век, в эпоху, когда Москва ещё не была имперской столицей, а была большим деревянным городом, где всё держалось на государевом дворе и на тех, кто этот двор кормил.

При Иване Грозном в Москве насчитывалось около пятисот человек, чьей единственной обязанностью было продовольственное обслуживание царского двора. Люди эти — пекари и повара, мясники и рыбаки, огородники и садовники — не были случайными прохожими на городской земле. На них возлагалась строгая, почти ритуальная повинность: печь хлеб для государева стола, поставлять свежее мясо и рыбу, варить кисель, привозить из огородов и садов овощи и фрукты. Это был особый круг, особая каста, и селились эти люди вместе, в определённых частях города — обычно не очень далеко от Кремля. Так рождались слободы: слобода гончаров, слобода кузнецов, слобода мясников.

Мясницкая слобода — одно из самых ранних и самых устойчивых таких поселений. О ней сегодня напоминает одноимённая улица, которая в давние времена не имела ни малейшего престижа и лоска. Это сейчас Мясницкая — аристократическая и деловая артерия; а тогда это была окраина ремесленного люда, где пахло сырым мясом, где гоняли скот и где по утрам раздавался тяжелый стук топоров.

Заселяться эти земли начали ещё в начале XVI века, при царе Василии III Ивановиче, отце Ивана Грозного. Здесь обосновались представители важной и почтенной профессии — царские мясники. Находились в Мясницкой слободе и государевы конюшни: лошади здесь

были всегда, ими жили, ими дышали. Стоявшие здесь Мясницкие ворота Белого города не сохранились до наших дней, но память о них осталась в названии площади — Мясницкие ворота, — которая и поныне лежит в основании улицы.

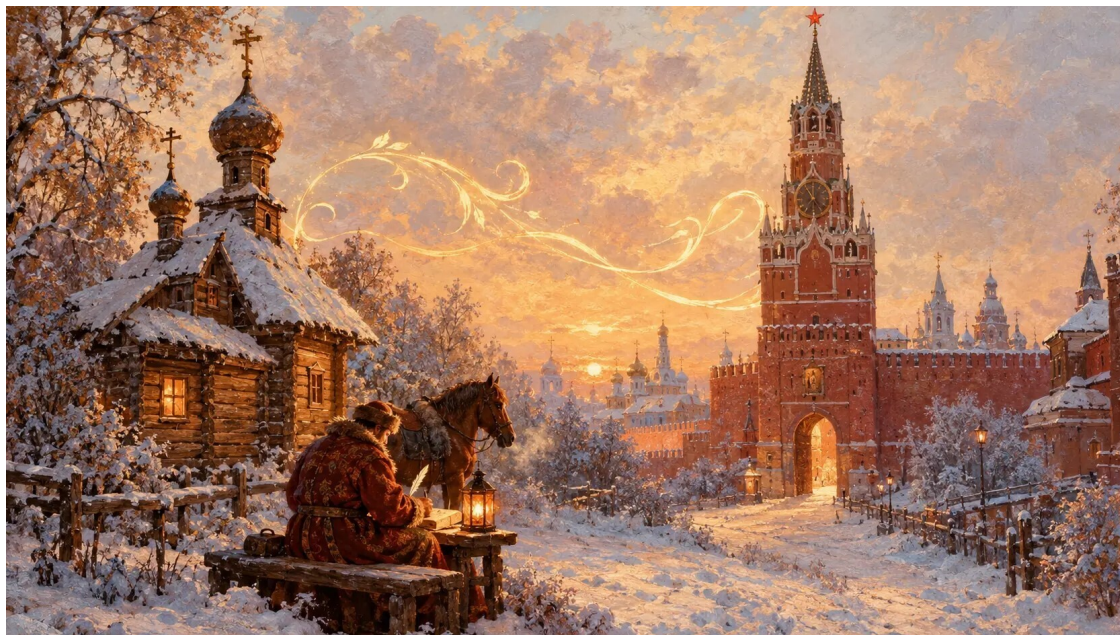
Слобода росла и обустраивалась. В 1471 году здесь появился храм святого Евпла — его поставили в память о мире с Великим Новгородом, о той неспокойной године, когда Москва и Новгород наконец договорились. Слободским же считался храм Николая Чудотворца в Мясниках, известный с 1620 года: он стоял ближе к Кремлю и окормлял ремесленный люд. Но была в слободе ещё одна церковь — и о ней-то и речь. Церковь святых мучеников Флора и Лавра, покровителей лошадей и домашнего скота.

Появление рядом с Мясницкими воротами храма, посвящённого этим святым, было вполне объяснимо — и в то же время не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что Никольская церковь стояла ближе к Кремлю, а Фроловская — к скотопригонному, или «животинному», рынку, что располагался перед стеной Белого города на отшибе площади Красных ворот. Сегодня на этом месте — Гусятников переулок, тихий и неприметный. А тогда здесь была «Коровья площадка» — рынок, куда съезжались крестьяне и прасолы, оптовые скупщики скота. Здесь торговали живым товаром, здесь мычали коровы и ржали кони, здесь заключались сделки на сотни голов.

Царские мясники покупали здесь скот и гнали живой товар прямо к выходившим на Красную площадь Фроловским воротам Кремля. И храм Флора и Лавра стоял на этом пути — как заступник, как оберег, как тихая молитва над мычащим и ржущим стадом. Святые Флор и Лавр в народном сознании были не абстрактными мучениками древности, а живыми защитниками коней и коров. Их храм у Мясницких ворот был святым местом для всех, кто жил рядом со скотом, — для мясников и кучеров, для конюхов и пастухов.

Так начиналась история церкви, которой суждено было простоять несколько столетий, пережить пожары и чуму, аристократов и купцов, революцию и метрострой, — и исчезнуть, оставив после себя только имя в переулке.

Глава 2. Флор или Фрол?

У имени Флор — латинский корень. *Florus* — «цветок», «цветущий». Имя красивое, книжное, пришедшее на Русь вместе с христианством. Но живой русский язык не терпит книжности: он подминает чужие слова под себя, перекашивает их на своём языке, пока они не станут удобными и родными. Так случилось и с Флором. В разговорной речи он превратился в Фрола — короче, звонче, проще. Так было легче произносить, да и звучало словно бы лучше, словно бы по-своему, по-русски.

И не только имя изменилось. Изменилось всё, что рядом. Храм Флора и Лавра в народе стали называть Фроловским — и это имя прижилось крепче официального. Фроловской стала кремлёвская башня, Фроловскими — ворота, Фроловкой — одна из частей Мясницкой улицы. Другая её часть звалась Евпловкой, по церкви святого Евпла. Так Москва делила свои улицы по храмам — не по домам и не по номерам, а по святым, которые эти места осеяли.

Кремлёвские Фроловские ворота построили в 1491 году. Название им дал храм Флора и Лавра, стоявший поблизости, — тот самый, о котором идёт наш рассказ. Тогда, в конце XV века, он ещё стоял в Кремле или рядом с ним, и был построен не позднее этого времени. Затем ворота стали Спасскими — в честь иконы Спаса Нерукотворного, которую в 1648 году привёз из Хлынова царь Алексей Михайлович. Икона торжественно вошла в Кремль именно через Фроловские ворота, и вскоре над ними был написан лик Спасителя. Имя Фрола отступило перед именем Спаса — но не исчезло. Оно осталось в памяти улицы, в памяти переулка, в памяти старой церкви.

А что же сам Фроловский храм? Здесь история начинает двоиться, расплываться, уходить в легенды.

Первое упоминание о деревянной церкви Флора и Лавра связано с сильным пожаром, случившимся в июне 1547 года — в тот страшный год, когда Москва горела так, что, по словам летописцев, не осталось ни одного целого дома. Дальше — легенда за легендой. По одной из них, храм разобрали по приказу царя Ивана III, который велел убрать все постройки, примыкавшие к стенам Кремля в радиусе двадцати одного метра. Так начали бороться с пожарами: не давать огню перекидываться на кремлёвские стены. Под разбор попала и деревянная церковь мучеников Флора и Лавра. По другой легенде, этот храм от кремлёвской стены в Мясницкую

слободу перенёс сам Иван Грозный — царь, который любил переставлять Москву, как хозяин переставляет мебель в доме.

Где здесь истина — не знает никто до сих пор. Была ли церковь отстроена заново из дерева, или её перенесли по брёвнышку от Кремля, и какой была её архитектура — о том молчат документы. Но главное известно точно: церковь в слободе появилась. Её поставили у Мясницких ворот — и она стала для местных жителей тем, чем и должна была стать: домом молитвы, местом памяти и тихой надежды.

В те времена слобода была уже не та. У Мясницких ворот начала селиться знать, появились архиерейские подворья, которые постепенно вытесняли старожилов. В 1632 году в слободе насчитывалось сто пять дворов, но мясникам из них принадлежало всего семь. Прошло двадцать лет — и осталось их только два. Ремесленный, пахнувший сырым мясом мир уходил; на его место приходил другой, более чинный и богатый.

Приход Фроловского храма был уже не ремесленный. К церкви прилегал погост, обнесённый стеной. В 1654–1655 годах в Москве случилось большое несчастье — «моровое поветрие», эпидемия чумы. Люди умирали тысячами, места на кладбищах не хватало, и к церковному погосту присоединили территории опустевших частных владений. Смерть расширяла свои пределы на землях, которые ещё недавно принадлежали живым.

В это трудное время, начиная с 1651 года, шло строительство каменной церкви. Оно завершилось в 1657 году — через два года после окончания чумы. Пятиглавый храм встал в стиле русского узорочья — нарядный, праздничный, с затейливым декором. Рядом поднялась прекрасная шатровая колокольня, устремлённая ввысь, как свеча. Внутреннее убранство Фроловской церкви впечатляло не только богатством утвари и позолоченным иконостасом с прекрасными иконами, но и настенными фресками.

И вот здесь начинается загадка, которая до сих пор остаётся темой для дискуссий среди историков искусства. На стенах храма были изображены греческие философы — Солон, Фукидид, Ермий, Платон, Стоик, Аристотель. Каждый держал в руках хартию с изречением. Для большинства русских церквей такие изображения были нетипичны — это было редкое, почти исключительное художественное явление.

Но почему? Может быть, как подражание домовому храму русских царей — Благовещенскому собору Кремля, где подобные фрески существовали? Греческие философы, благодаря своим псевдоизречениям о Христе, приравнивались к христианским мыслителям и даже к святым Русской Православной Церкви — на что указывают нимбы над их головами. Однако изображения философов всегда находились в отдалении от центра храма, что также имеет символическое значение: вход в Святая святых для них закрыт. Они — предтечи, они — тень, они — предчувствие истины, но не сама истина.

А за стенами храма шла своя, живая, полная запахов и звуков жизнь. 9 августа по старому стилю, в день памяти святых Флора и Лавра, к церкви вели украшенных цветами и лентами лошадей. Шли кучера и конюхи, шли те, у кого был конь, шли просто любопытствующие. Священники служили молебен святым мученикам и окропляли лошадей святой водой. Все верили: после этого с конём никакого лиха не случится — ни на дороге, ни в поле, ни в бою. Лошадь была не просто животным; она была кормилицей, помощницей, другом. И святые Флор и Лавр, покровители коней, были для этих людей ближе и понятнее многих высоких богословских истин.

Так жил этот храм — между небом и землёй, между греческими философами и украшенными лошадьми, между высоким искусством и повседневной нуждой. Пятиглавый, нарядный, с шатровой колокольней, он стоял у Мясницких ворот — и сама Москва вокруг него менялась, хорошела, богатела, уходила от ремесленной слободы к аристократической улице.

Глава 3. Каменный храм, чума и греческие философы

Слобода менялась на глазах. Ещё недавно здесь жили и работали мясники, чьими руками держалось государево продовольствие, а теперь у Мясницких ворот селилась знать. Появлялись архиерейские подворья — просторные, каменные, с высокими заборами и садами. Старых жителей постепенно вытесняли, и в этом не было ничего удивительного: Москва всегда росла вверх и вширь, и там, где вчера пахло сырым мясом и слышался стук топора, сегодня уже раздавались шаги важных людей в собольих шубах.

В 1632 году в слободе насчитывалось сто пять дворов. Мясникам из них принадлежало всего семь — и это уже говорило о многом. Через двадцать лет останется и вовсе два. Ремесленный люд уходил, растворялся в других частях города, уступая место тем, кто мог платить больше и жить красивее.

Приход Фроловского храма был уже не ремесленный. К церкви прилегал погост — небольшое кладбище, обнесённое каменной стеной, где находили последнее пристанище те, кто жил рядом. В 1654–1655 годах в Москве случилось большое несчастье — «моровое поветрие», эпидемия чумы. Болезнь косила людей тысячами, не разбирая ни чина, ни звания, ни возраста. Мест на кладбище не хватало, и к церковному погосту присоединили территории опустевших частных владений — там, где ещё недавно стояли дома, теперь рыли могилы. Смерть расширяла свои пределы на землях, принадлежавших живым.

Именно в это трудное время, начиная с 1651 года, шло строительство каменной церкви. Оно завершилось в 1657 году — через два года после того, как чума наконец отступила. Пятиглавый храм встал в стиле русского узорочья — нарядный, праздничный, словно сопротивляющийся самой мысли о смерти. Рядом поднялась прекрасная шатровая колокольня, устремлённая ввысь, как молитвенная свеча. Внутреннее убранство Фроловской церкви впечатляло не только богатством утвари и позолоченным иконостасом с прекрасными иконами, но и настенными фресками.

И вот здесь начинается загадка, которая до сих пор остаётся темой для дискуссий среди историков искусства. На стенах храма были изображены греческие философы — Солон, Фукидид, Ермий, Платон, Стоик, Аристотель. Каждый держал в руках хартию с изречением. Для

большинства русских церквей такие изображения были нетипичны — это было редкое, почти исключительное художественное явление.

Почему именно здесь, в простом слободском храме, появились эти образы? Может быть, как подражание домовому храму русских царей — Благовещенскому собору Кремля, где подобные фрески существовали издавна? Греческие философы, благодаря своим псевдоизречениям о Христе, приравнялись к христианским мыслителям и даже к святым Русской Православной Церкви — на что указывают нимбы над их головами. Однако изображения философов всегда находились в отдалении от центра храма, что также имеет символическое значение: вход в Святая святых для них закрыт. Они — предтечи, они — тень, они — предчувствие истины, но не сама истина. Уму человеческому позволено подойти к порогу, но не переступить его.

А за стенами храма шла своя, живая, полная запахов и звуков жизнь. 9 августа по старому стилю, в день памяти святых Флора и Лавра, к церкви вели украшенных цветами и лентами лошадей. Шли кучера и конюхи, шли те, у кого был конь, шли просто любопытствующие, привлечённые шумом и праздником. Священники служили молебен святым мученикам и окропляли лошадей святой водой. Все верили: после этого с конём никакого лиха не случится — ни на дороге, ни в поле, ни в бою. Лошадь была не просто животным; она была кормилицей, помощницей, другом. И святые Флор и Лавр, покровители коней, были для этих людей ближе и понятнее многих высоких богословских истин.

Так жил этот храм — между небом и землёй, между греческими философами и украшенными лошадьми, между высоким искусством и повседневной нуждой. Пятиглавый, нарядный, с шатровой колокольной, он стоял у Мясницких ворот — и сама Москва вокруг него менялась, хорошела, богатела, уходила от ремесленной слободы к аристократической улице.

А в 1658 году вышел указ царя Алексея Михайловича называть Мясницкие ворота Фроловскими. Указ был государев, слово — царское. Но у москвичей оно как-то не прижилось: они продолжали называть площадь Мясницкими воротами, а храм — Фроловским. Народная память оказалась сильнее официального распоряжения. Впрочем, такова судьба многих государевых указов: они забываются, а улицы и храмы остаются жить своей жизнью.

Глава 4. Аристократка, купцы и ФлорЕрмаков

В XVIII веке Мясницкая переменялась в очередной раз. Она получила современную геометрию — прямую, широкую, устремлённую от центра к окраине, — и стала одной из аристократических улиц Москвы. Здесь селилось титулованное дворянство: люди со звучными фамилиями, владельцы просторных усадеб, чьи окна смотрели на мостовую свысока и уверенно. И во многом это произошло благодаря Петру I, который сам ездил по этой улице в Немецкую слободу — туда, где жили иностранцы, где строились корабли, где рождалась новая Россия.

Может быть, именно поэтому в 1703 году в церкви Флора и Лавра был освящён придел святых Петра и Павла — словно тихая дань уважения государю и его небесному покровителю. А в 1772 году этот придел обновили. Храм жил, дышал, отвечал на нужды своих прихожан — теперь уже не мясников, а людей иного круга: чиновников, дворян, домовладельцев.

Напротив Фроловского храма на Мясницкой улице купил двор князь Александр Меншиков — сегодня это место Центрального почтамта. Самый могущественный человек эпохи, сподвижник Петра, светлейший князь, он не довольствовался малым. И перестроил деревянную церковь Архангела Гавриила на Поганных прудах, сделав из неё архитектурный шедевр в стиле петровского барокко — знаменитую Меншикову башню. Существует легенда, будто бы называли её когда-то «башней Меншикова», и имя это звучало гордо и громко — а рядом тихо стоял старый Фроловский храм, свидетелем времен куда более скромных.

В XIX веке Мясницкая привлекла богатое купечество. Улица меняла свой облик: барские усадьбы уступали место доходным домам, лавкам, конторам. К концу столетия Мясницкая была уже буржуазной и деловой — по ней, освещённой газовыми фонарями, курсировали конки, а потом и трамваи. Здесь кипела торговля, заключались сделки, звенело серебро и шуршали ассигнации. Новые жители Мясницкой — купцы, фабриканты, служащие — посещали древний Фроловский храм. Для них он был не просто церковью, а островком истории среди новой, быстро меняющейся жизни. В 1851 году храм подновили: обветшавшее здание требовало заботы.

В 1900–1901 годах обветшавшую церковь Флора и Лавра у Мясницких ворот реставрировали. Работами руководил Константин Михайлович Быковский — русский архитектор, реставратор, преподаватель и общественный деятель, человеком, чьими руками создавалась и сохраня-

лась архитектурная память Москвы. О том, какой именно была эта реставрация, сведений не сохранилось. Но храм продолжил стоять — свидетель многих эпох.

Художник Сергей Светославский в 1878 году написал вид на эту церковь из окон Училища живописи, ваяния и зодчества — и на его полотне мы можем увидеть, как выглядела она в те годы. А Аполлинарий Васнецов в 1926 году создал картину «У Мясницких ворот Белого города в XVII веке». На ней — Фроловская церковь, ворота и спешащие люди, пешие и конные. Так искусство сохранило то, что не смогло сохранить время.

История сохранила имя одного прихожанина Фроловского храма — и это имя стоит того, чтобы его вспомнить. Флор Яковлевич Ермаков. Купец 1-й гильдии, действительный статский советник, владелец текстильных фабрик в Москве и Вышнем Волочке. Его ситец, недорогой и красивый, в народе называли «ермак» — по фамилии владельца. Простой народ носил рубахи из «ермака», и само это слово было в каждом доме.

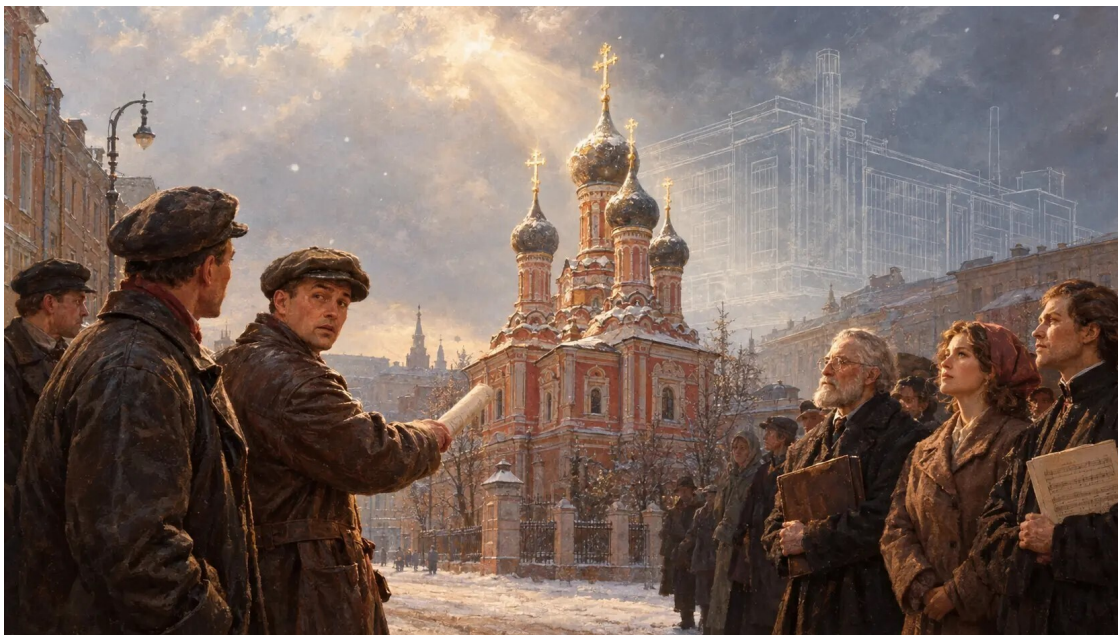
В последние десять лет жизни Флор Яковлевич передал свои миллионы — деньги, полученные от продажи фабрик, — на благотворительность. Хотя благотворительностью он занимался всегда. Отход от дел и переосмысление жизни были связаны с чередой потерь близких людей. Кроме того, большое влияние на него оказала книга протоиерея Стефана Дерябина «О христианском милосердии» — книга, которая, видимо, перевернула что-то в его душе.

В 1876 году он приобрёл дом 17 на Мясницкой — тот самый, что стоит и сегодня рядом со знаменитым чайным магазином Перловых. Архитектор Виктор Коссов построил новое здание. В нём разместилась одна из Ермаковских богаделен — под патронажем Ведомства учреждений императрицы Марии. Богдельня на Мясницкой была самой большой и имела несколько корпусов. Здесь находили приют и уход те, кто уже не мог позаботиться о себе сам.

При таких заведениях, безусловно, должны были устраиваться домовые церкви — как в двух других отделениях Ермаковской богадельни, на Трёхгорке и в Сокольниках. Но сведения сохранились лишь о храме при Александровской богадельне в Сокольниках. В августе 1877 года в нём были освящены приделы Живоначальной Троицы и святых мучеников Флора и Лавра. Позднее храм стали называть Александровским — то ли по имени императора Александра, то ли императрицы Александры Фёдоровны, то ли дочери Ермакова — Александры Флоровны. И в этом имени словно бы соединились сразу несколько нитей судьбы.

Есть в этой истории горькая усмешка. Именно на Мясницкой находилась Московская духовная консистория — в доме 3, в её архиве хранились метрические книги всех храмов города. В этих книгах были записаны рождения, венчания и смерти тысяч и тысяч москвичей. А после 1917 года в этом здании разместился Высший совет народного хозяйства. Место, где хранилась память о людях, стало местом, где решались судьбы экономики. Такова была новая эпоха — эпоха, которая не слишком церемонилась с прошлым.

Глава 5. 1925 год — предвестник потери

В 1917 году бои шли рядом с Фроловским храмом. Воевали за почтамт — здание, где находились телефонная станция и телеграф, где сходились нити связи огромной страны. Пули били в стены, осколки крошили штукатурку, а над крышами стоял дым. Церковь Флора и Лавра, стоявшая напротив, молчала, как молчат свидетели, которым не дано слова.

В 1918 году Мясницкую улицу переименовали в Первомайскую. Новое имя звучало торжественно и революционно, обещало новую жизнь и новое начало. Но москвичи это событие проигнорировали. Они продолжали называть улицу по старинке — Мясницкой, словно не желая расставаться с прошлым. Впрочем, так бывает всегда: власть меняет вывески, а народ продолжает жить по памяти.

В 1925 году строители социализма обратили внимание на церковь. На улице Первомайской — так теперь официально называлась Мясницкая — стоит храм в честь покровителей домашнего скота и лошадей. Это явный диссонанс. Это надо исправить. В воздухе зазвучали планы сноса — и возведения на месте церкви промышленного объекта. Новая эпоха требовала новых форм, и старый храм в её планы не вписывался.

А на церкви горели на солнце кресты XVII века. Внутри — алтарь, перестроенный в XIX веке, ампирный иконостас XVIII века, старинные образа... Он весь был — история. Каждая деталь его убранства говорила о столетиях, о людях, о вере, о тех, кто здесь молился, венчался, крестил детей, водил украшенных лошадей под молебен.

Комиссия от Главнауки Наркомпроса встала на защиту храма. Её члены уверяли: Фроловская церковь — сокровище отечественной архитектуры, её надо сохранить. Рядом Почтамт и Училище живописи, ваяния и зодчества — они вместе создают картину исторической Москвы, тот самый облик города, который нельзя разорвать без потерь. Голос специалистов был услышан. Опасность сноса отступила. Но ненадолго — чтобы вскоре вернуться.

И ещё один факт 1925 года — тихий, почти незаметный среди громких споров о сносе. В это время церковным хором Фроловского храма руководил инок Платон — будущий Святейший Патриарх Пимен. Молодой инок, чьё имя тогда знали немногие, пел и регентовал в маленьком храме у Мясницких ворот. Кто мог знать тогда, что этот голос, звучавший под сводами старой церкви, станет голосом всей Русской Церкви?

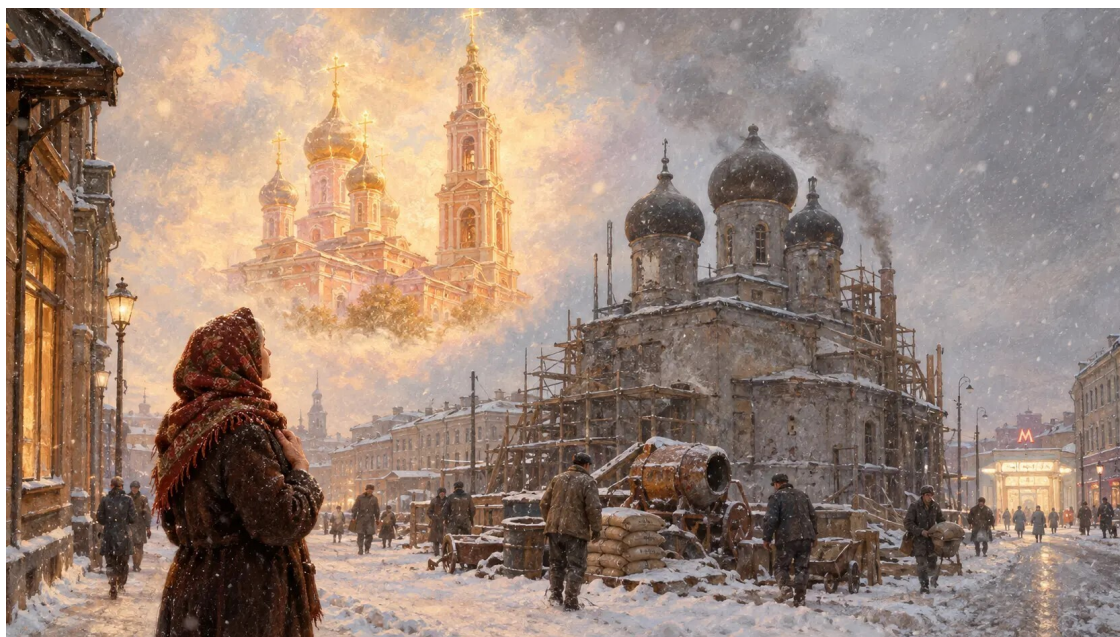
Фотографии, открытки и картины XIX — начала XX века хорошо передают ту атмосферу. Из Мясницкой выходит Бобров переулок — тихий, кривой, с домами, помнящими ещё XVIII век. На самом перекрёстке стояло небольшое здание с лавками, затем начиналась территория храма: одноэтажное здание, большой въезд во двор, шатровая колокольня со входом в неё прямо из переулка, каменная стена и двухэтажный дом. Напротив храма — Училище живописи, ваяния и зодчества с домовою церковью в честь Казанской иконы Божией Матери. Через дорогу на площади — здания, в том числе бывший постоялый двор.

Такой была Мясницкая улица в середине XIX века — патриархальной, обжитой, тёплой. Такой она запомнилась тем, кто здесь жил. Такой она осталась на фотографиях и открытках.

Однако после октябрьского переворота эта картина патриархальной Москвы начала резко меняться. Одной из причин стала транспортная проблема. Город рос стремительно, население прибывало, улицы задыхались от экипажей и телег. Были конки, были трамваи — но они не справлялись. Москве требовалось что-то новое, быстрое, надёжное. И это новое уже стояло на пороге.

А храм Флора и Лавра продолжал стоять — пока ещё целый, пока ещё с крестами. Но время его уже подходило к концу. И те, кто решал судьбы города, уже смотрели на него не как на сокровище, а как на помеху.

Глава 6. Бетонный завод и вентиляционный коллектор

Одной из причин перемен стала транспортная проблема. Москва росла стремительно, как никогда прежде. Конки и трамваи не справлялись с потоком людей, улицы задыхались от экипажей. И тогда, 13 сентября 1931 года, Совнарком РСФСР утвердил Положение о Метрострое. Строительство метро было объявлено ударной стройкой — то есть срочной и приоритетной. Всё остальное отступало на второй план.

Метро строили глубокого залегания. Это требовало огромных земляных работ, сноса домов и некоторого внимания к культурным слоям московской земли. Впрочем, тоннель в районе Мясницкой прошёл ниже культурного слоя — земля, в которой лежала вся история города, осталась почти нетронутой. Историю не копали — её просто убрали с поверхности.

Закрытый храм мучеников Флора и Лавра использовали для нужд Метростроя. По воспоминаниям очевидцев тех событий, он превратился в барак, в котором находился бетонный завод Метростроя — и его пыль покрывала все соседние постройки. Церковь, где когда-то пел будущий Патриарх, где молились купцы и водили украшенных лошадей, теперь варила бетон для подземных тоннелей. Стены, помнившие фрески греческих философов, содрогались от работы машин.

Интересен и такой факт: встречается информация о том, что под алтарем храма находился подземный ход, который стали использовать при возведении станции «Мясницкие ворота». Старый ход, тайный, сокровенный, стал частью нового, подземного, пути.

В 1933–1934 годах храм — вернее, то, что от него осталось — имел конкретное название: площадка шахты Метростроя с порядковым номером. Ни имени святого, ни слова «церковь», ни просто «храм». Просто номер. Потом здание завода разобрали. На месте церкви установили вентиляционный коллектор — сооружение, которое не говорит ни о чём, кроме воздуха под землёй.

Для возведения наземного павильона расчистили площадь. В 1934 году снесли трёхэтажный дом, замыкавший линию бульвара. В 1935 году прошло торжественное открытие станции метро «Кировская» («Чистые пруды») первой Сокольнической ветки метро. Новая станция была прекрасна — мрамор, свет, простор. Люди спускались под землю и поднимались вверх, не зная, что стоят там, где когда-то стоял храм. Впрочем, улица Мясницкая тоже уже не была

Первомайской — она носила имя советского партийного деятеля С. М. Кирова. Имя, данное новой эпохой, стерло старое.

Сегодня место, где стоял храм святых Флора и Лавра, ничем не напоминает о нём. Прохожие идут мимо, и ничто не говорит им: здесь стояла церковь. Здесь молились. Здесь водили лошадей под молебен. Здесь пел хор, которым руководил будущий Патриарх.

В 2000-е годы вопрос о восстановлении храма решался в мэрии. Было принято положительное решение. Казалось, справедливость восторжествует, и на месте вентиляционного коллектора вновь поднимется церковь. Но работы по исследованию грунта никогда не проводились. И церковь так и не восстановили. Решение осталось на бумаге — как когда-то царский указ о переименовании ворот.

Так исчез один из трёх храмов Мясницкой. Остались только переулки, старые фотографии и картины — да память, которая живёт, пока о ней говорят.

Послесловие

Улица Мясницкая сохранила свою историческую застройку. Но потеряла три храма. Один из них — церковь Флора и Лавра — был домом д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.